

Робер Оссейн:

Коммунистическая правда. - 1992. - 21 апр.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Я не изменял Анжелике.

Даже с Мариной Влади

У нас Робер Оссейн прославлен киносериалом об Анжелике. Во Франции слава у него совсем иная — лучшего театрального режиссера, тонкого проповедника, гуманиста с широкой душой славянина.

— Вам 64, и вся жизнь во Франции. Кем ощущаете себя — русским? Французом?

— Мама — из Киева, отец — из Самарканда. А родился здесь, и страна эта моя. Но бродит во мне странный лесной зов. Иногда он страшен своей волчьей тягой к тем — вашим — просторам, ностальгией по никогда не изведанному.

— Если вернуться в область вам близкую — культуру?

— А мы от нее и не отошли. Для меня понятия Россия и культура как бы синонимы.

— Но поп-культура культуры истинной даже не кузина. И как раз-то поп атакует и побеждает у нас дома.

— Атаки ерундовые. Мальчику давали шоколадку раз в год и вдруг разрешили съесть хоть весь прилавок. У вашего мальчугана уже признаки несварения желудка, скоро обестеся.

— Или уже настолько прилип к прилавку, что не оторвать?

— Сам отойдет. Для вас феномен ужасен новизной, для мира — банален. Простенькие фильмы, элементарная культура привлекают легкостью восприятия. Россия получает и такой ответ на внезапно обретенную свободу. И взрывчатый этот ответ сравним разве с коллективным выпиванием мозгов. Рэмбо,

Рокки — молодежь во Франции от них тоже шалает. Но вдруг сквозь деловую лавину прорывается киношедевр «Сирано» с Депардье. И все, абсолютно все идут на этот фильм. Он один дает людям больше, чем беспрерывные рембо-серии, и — вуаля — мелкое, сиюминутное уходит. Разве вы не замечали, что великое, иногда и отступая, в конечном счете всегда побеждает? Ну, опровергните, ну, попытайтесь, а? Ваш отчаянный пессимизм напрасен.

— Чем возражишь? Однако вы — отчаянный оптимист.

— Что касается России — экстремальный. У вас люди только опомнились от спячки. Они грезят, открывают для себя невиданное. И сейчас требуется лишь одно — пережить неприятную пору. Да, на это уйдет время. Как иначе? Но в итоге все образуется, и Россия превратится в лучшую страну мира.

— Вашими устами... Но у нас нет даже меда.

— Имеется иное. Господом данное, что не проесть и не вытравить, — душа. Знаете, чем сероватый русский фильм отличается от любого иностранного слабачка? В самой элементарной киноленте человек нет-нет да и проглядывается. Русская земля, Всевышним проклятая, но и благословенная, рождает гениев. Вы пройдете чистилище, и наступит не рай, но нормальная новая жизнь, и жить в ней нормальным новым российским гражданам.

— Вы, наверно, не случайно так часто упоминаете Всевышнего. Надеетесь на снисхождение Божье?

— Верю в Бога, и настоя-

ко, что не быть его просто не может. Но Господь не существовал бы, если бы не был порожден человеком. Я страшно молюсь Богу, чтобы не оставил он нас, грешных, но жизнь ему давших.

— Значит, последний спектакль «Христос было имя ему» поставлен вами тоже совсем не случайно?

— На седьмом десятке на случайности у меня времени не осталось.

— Вы знаете, что меня смущает? Пьеса на библейских сюжетах, цитата из Евангелия. А идет, как многие ваши последние театральные постановки, во Дворце спорта. Действие с 63 актерами разворачивается одновременно и на огромной сцене, и на киноэкране-спирте, где крутят заранее снятый фильм. Народ смотрит, переживает, аплодирует. Мне спектакль понравился, но где же интимность? Ведь с Богом говорят один на один.

— Если вообще говорят. А я дал шанс пообщаться с ним 750 тысячам, посмотревшим «Иисуса». Вель кто сказал, что когда люди сидят бок о бок, то интимность пропадает? И почему вы намекаете, будто современная техника мешает восприятию? Наоборот, усиливает. Я веду пассивного зрителя на сцену, он у нас участник действия.

— Так у вас было и в «Лионском курьере», в «Свободе или смерти»... Некоторые укоряют Оссейна в заигрывании с публикой, в потакании ее интересам.

— В этом и заключается моя цель — обязательно увлечь и быть понятым. Если культура понятна для всех,

только тогда она является настоящей культурой. Но тотчас перестает быть таковой, если нюансы и оттенки доходят лишь до горстки избранных. Мои спектакли во дворцах смотрят миллионы.

— И все же вы иногда побаиваетесь в этой миллионной культуре затеряться.

— Кто вам сказал?

— Почему же вы тогда ставите в сравнительно небольшом театре такие сложнейшие для восприятия пьесы как «Кин» и «Сирано де Бержерак»? Даже уговорили своего друга Бельмондо вернуться на сцену после 30-летнего киноного отсутствия и сыграть в них главные роли. Разве эти два спектакля не для избранных?

— Вы меня обижаете этим недостойным подозрением. Какие избранные, если только в Японии «Сирано» с Жан-Полем посмотрело тысяч сто. И все разобрались. Театр сегодня процветает благодаря этому близкому взаимному контакту.

— По-вашему, опасения за будущее театра беспочвенны? Ни тени сомнений?

— Будущее у него необъятно. Вечность. Так что пишите пьесы и растите режиссеров. Конкуренция с Рокки меня, например, только подстегивает. Да и кто пророчит кончину? Режиссер, спектакль которого «не пошел», бубнит, бубнит: «Я не иду на уступки, я творю для элиты». У-у-у-х! Не приемлю я этого. Для меня элита — каждый — все без исключения. Э-ли-т-а... Когда к нам на спектакли приходят сотни тысяч, я не стыжусь, а горжусь.

— Если такая привязан-

ность к большим цифрам, то не жалеете об уходе из кино?

— Я снялся в 9 десятках фильмов. Потом действительно забросил съемки — уехал в провинцию, открыл там театральную школу. У меня учились Изабель Аджани и Жак Веббер, и я понял: когда ближе к зрителю, ощущаю его, то и пользы ему я приношу не меньше, а, как мне кажется, даже больше, чем раньше.

— И возврата к «Анжелике» нет?

— Как раз есть. В сентябре я поставлю «Анжелику — маркизу ангелов» во Дворце спорта. Приглашаю в соавторы почти всю ту же команду, что создавала киносериал, кроме Мишель Мерсье.

— А кто же будет играть де Пейрака?

— Что за вопрос — я! Кому же еще? Тогда я был лет на 20 моложе моего героя. Меня гримировали, старили, теперь будут гримировать в обратную сторону. А Анжелику я ишу. Может, объявлю конкурс.

— К нам на гастроли не собираетесь?

— Да я готов к вам привезти своего «Иисуса» хоть завтра, показать его на подмостках у Кремлевской стены или на площади в Санкт-Петербурге в честь годовщины возвращения городу его настоящего имени. Обмениваюсь с Москвой всеми видами связи — телексами, телефаксами, звонками.

— И, догадываясь, переговоры идут трудно.

— Никто не ожидал и намека на легкость. Вопрос не в деньгах — они меня не волну-

ют. Я хочу дать России хоть что-то, расплатиться с ней хоть как-то. Пусть будет хоть какой-то мой маленький вклад, вкладик. Надеюсь, договоримся, и я приеду. А пока я Россию тоже не забываю. Вам первому выкладываю секрет: мы с Бельмондо задумали снять фильм по одной русской повести. Жан-Поль — актер и мой продюсер. Я — режиссер, но, может быть, тоже сыграю.

— Извините, а свою бывшую жену Марину Влади на съемки не приглашаете?

— Марина сейчас играет в театре в русской пьесе «Саркофаг» о Чернобыле. Видите, киноактриса, а театр тянет.

— Еще раз простите, но на каком языке вы говорили с Влади, когда были женаты?

— В розовые моменты — на русском, в темноватые — на французском. Марина, конечно, знает русский в совершенстве, не как я.

— Не собираюсь делать вам комплименты и беспокоить тестом на скромность. Но как вы сами думаете: почему за последние несколько лет вы в списке наиболее популярных людей страны передвинулись с 15-го места в середину первой десятки? А когда Франция определяла наиболее любимого театрального актера, режиссера, драматурга, то вас чуть не единодушно поставили первым номером, отеснив лично Мольера в серебряные призеры?

— Я и сам об этом задумывался. И ответ мой короткий: я понятен. Я прост. И очень люблю людей.

Н. ДОЛГОПОЛОВ.
(Наш соб. корр.)

Париж.